

Мнѣ оставалось еще осмотрѣть то университетское зданіе, гдѣ помѣщаются зала совѣта (консисторіи) и правленіе (ректорская канцелярія). Внутренность этого дома, по недостатку простора, по ветхости мебели и бѣдности всѣхъ принадлежностей, составляетъ разительную противоположность съ громкою славой Упсальскаго университета. Но таково значеніе духовной силы, что она и на самую убогую внѣшность, ее облекающую, бросаетъ отблескъ своего свѣта. Я не могъ безъ особеннаго уваженія смотрѣть на этотъ простой столъ, за которымъ пересидѣло такъ много людей, великихъ умомъ и ученостію. На этомъ столѣ лежали передо мною томы собранія шведскихъ законовъ, біблія и тетрадь университетскаго устава. До сихъ поръ этотъ уставъ, которому уже около 200 лѣтъ, еще никогда не былъ напечатанъ. По древности его, многое въ жизни обоихъ университетовъ опредѣляется болѣе обычаемъ, нежели правилами. Нынче, наконецъ, почувствовали необходимость составить новые академическіе статуты, и для того въ Стокгольмѣ учрежденъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ канцлера университетовъ, кронпринца. Тутъ лежали также эмблемы власти ректора, т. е. ключи его и два серебряные скипетра, которые въ торжественныхъ случаяхъ несутъ передъ нимъ двое изъ нижнихъ университетскихъ служителей въ особомъ костюмѣ. Все это остатки почтенной старины; къ числу ея памятниковъ принадлежатъ и торжественные обряды, сопровождающіе здѣсь раздачу ученыхъ степеней. Въ послѣднее время эта поэзія среднихъ вѣковъ стала находить болѣе и болѣе противниковъ въ самихъ университетскихъ сословіяхъ; но для прозы нашего вѣка еще не настала эпоха совершенной побѣды: защитникамъ поэтическихъ обычаевъ удалось отстоять древнія церемоніи съ лавровыми вѣнками, эмблематическими кольцами, малиною мантиею ректора и т. п. И здѣсь, какъ въ домахъ націй (описанныхъ мною въ другомъ мѣстѣ), можно было читать на стѣнахъ исторію университета въ изображеніяхъ множества представителей его отъ самыхъ первыхъ временъ его существованія. Все дышало здѣсь древностію, и въ минутѣ настоящаго вмѣстились для меня вѣка прошедшаго.

Лучше поздно, чѣмъ никогда—гласитъ заморская поговорка, и я отсюда пошелъ къ ректору, профессору богословія, г. Кнѣсу. Говоря математическимъ языкомъ, должность его находится въ обратномъ содержаніи къ его наружности, потому что онъ ростомъ ниже всѣхъ своихъ товарищей. Это не мѣшаетъ ему быть чрезвычайно разсудительнымъ человѣкомъ и любимымъ сослуживцемъ. Прежде ректора смѣнялись здѣсь каждые полгода; нынѣ они остаются въ своей должности по году; назначаются они по избранію совѣта, но избираются по очереди.

Многія изъ подробностей, услышанныхъ мною отъ ректора, вошли уже въ мои письма, почему я здѣсь и не буду останавливаться на этомъ посѣщеніи

По приглашенію, полученному мною нѣсколько дней тому назадъ, обѣдалъ я у архіепископа вмѣстѣ съ большимъ числомъ пасторовъ, пріѣхавшихъ сюда изъ всей епархіи для совѣщанія съ духовнымъ начальникомъ. Этотъ прелатъ, столько же любезный, какъ и почтенный, посадилъ меня возлѣ себя и между прочимъ рассказывалъ, что онъ вскорѣ долженъ будетъ ѣхать въ Стокгольмъ, какъ для засѣданія на сеймѣ, такъ и для причащенія самаго младшаго изъ принцевъ королевскаго дома; онъ же имѣлъ счастье совершать таинство надъ троими старшими. Господа пасторы въ своихъ черныхъ кафтанахъ, съ бѣлыми крагенами на шеѣ, сидѣли довольно молчаливо за трапезою своего епархіальнаго главы, примаса всего королевства, и вскорѣ послѣ обѣда начали расходиться.

День окончилъ я въ клубѣ, на балѣ. Въ довольно просторной, но очень скромной залѣ, юноши и дѣвы съ разгорѣвшимися лицами усердствовали тѣломъ и душою на служеніи Терпсихорѣ. Если здѣсь собранъ былъ цвѣтъ прекраснаго пола Упсалы, то, нечего сказать, красота въ этомъ городѣ—неопасная соперница наукѣ. Въ одной изъ боковыхъ комнатъ губернаторъ, баронъ Кремеръ, въ мундирѣ сидѣлъ за картами. Благодаря его обязательному приглашенію, я познакомился здѣсь еще съ однимъ профессоромъ — юристомъ Боэціусомъ, и съ г. Карлсономъ, который показалъ мнѣ, что интересуется русскою исторіею. Позже пришелъ г. Скредеръ и пригласилъ меня внизъ отужинать вмѣстѣ съ нимъ. Это былъ послѣдній день моего пребыванія въ Упсалѣ. На другое утро въ восемь часовъ я уже стоялъ на пароходѣ, который по мутнымъ волнамъ Фюриса и по живописному Мелару долженъ былъ отвезти меня обратно въ Стокгольмъ.

III.

Прогулка по Готскому Каналу ¹⁾.

Между предметами, заслуживающими особеннаго вниманія въ Швеціи, Готскій каналъ занимаетъ почетное мѣсто. Устроенный по большей части въ каменистомъ грунтѣ, восходя мѣстами на крутыя скалы и подымаясь однажды до трехъ сотъ футовъ высоты надъ поверхностью моря—онъ во всякой странѣ составилъ бы гигантскій памятникъ побѣды человека надъ природою; а въ бѣдной и малолюдной Швеціи это величественное сооруженіе можно назвать настоящимъ чудомъ труда и искусства. Готскій каналъ соединяетъ два важнѣйшіе города Швеціи, Стокгольмъ и Готенбургъ, и чрезвычайно сокращаетъ путь изъ Нѣмецкаго моря въ Балтійское.

¹⁾ Сѣв. Обзорѣніе 1849. т. I, стр. 470—488.

Пробывъ нѣсколько недѣль въ Стокгольмѣ, я рѣшился посѣтить нѣкоторыя изъ южныхъ провинцій и въ то же время прогуляться по Готскому каналу. У Риддаргольмской пристани на озерѣ Меларѣ, стоитъ множество пароходовъ для сообщенія какъ съ внутренними, такъ и съ приморскими городами. По обилію водъ въ Швеціи пароходы представляютъ для нея особенную важность, и число ихъ въ цѣломъ королевствѣ доходитъ нынче уже до шестидесяти; озеро Меларъ усѣяно ими. Тутъ стоялъ и *Командиръ-Капитанъ* (это названіе парохода означаетъ чинъ въ шведской морской службѣ), который долженъ былъ на другой день въ 5 часовъ утра отплыть въ Готскій каналъ. Пасторъ Д., весельчакъ и большой охотникъ до филологическихъ наблюденій, отправлялся домой въ свой пасторатъ и взялъ на этотъ пароходъ билетъ въ одно время со мною. Всѣ пассажиры заняли свои мѣста уже наканунѣ передъ днемъ отплытія. *Командиръ-Капитанъ*, какъ вообще шведскіе пароходы, устроенъ очень удобно: въ просторныхъ и щеголеватыхъ каютахъ, расположенныхъ по обѣ стороны коридора, помѣщается по два человѣка, и двѣ кровати стоятъ одна противъ другой; въ каждой каютѣ есть особое окошечко и столикъ, на которомъ можно писать, какъ дома. Топка производится дровами, и запасаются ими на привалахъ.

Прекрасная тихая погода благоприятствовала нашему плаванію. Предстоявшій намъ путь естественно раздѣлялся на три части: мы должны были сперва плыть по озеру Мелару; потомъ выйти въ Балтійское море, а тамъ, взявъ опять на западъ, вступить въ знаменитый каналъ. Онъ идетъ сначала въ прямомъ западномъ направленіи до озера Веттера и на этомъ протяженіи называется Остготскимъ по провинціи Остготландіи, которую перерѣзаетъ; далѣе, изъ Веттера каналъ идетъ на сѣверо-западъ до озера Венера, и на этомъ разстояніи называется Вестготскимъ по имени Вестготландіи. Послѣдній отдѣлъ пути, отъ Венера до Готенбурга, составляетъ рѣка Гота, для обхода которой мѣстами опять продолжается каналъ.

Видъ Стокгольма со стороны Мелара такъ же прекрасенъ, какъ съ моря, или, можетъ быть, еще прекраснѣе. Едва разбудилъ меня шумъ тронувшихся колесъ, какъ я поспѣшилъ на палубу, и чудное зрѣлище въ сіяніи утренняго солнца вознаградило меня за краткость отдыха. По мѣрѣ того, какъ городъ живописно терялся въ отдаленіи, передъ нами являлись берега озера, покрытые зеленью и выдающимися между нею зданіями; каменные помѣщичьи дома и группы острововъ безпрестанно смѣнялись передъ глазами. Я развернулъ карту водяного пути отъ Стокгольма до Готенбурга.

Капитаномъ нашимъ былъ молодой человѣкъ, служащій во флотѣ. Въ Швеціи флотскіе офицеры имѣютъ право въ лѣтнее время принимать на себя управленіе частными пароходами. Господинъ Лагербергъ

воспитывался въ извѣстномъ Карлсбергскомъ военномъ училищѣ (въ Стокгольмѣ), очень образованъ, знаетъ англійскій языкъ и такъ страстно любить англійскую литературу, что даже на пароходѣ, въ свободныя минуты занимается ею. Въ рукахъ его былъ „The cricket of the hearth“ (Домашній Сверчокъ) Диккенса. По своей опрятной наружности, — на немъ была синяя куртка и синяя фуражка, — по живости и ловкости своихъ движеній, по участію, какое принималъ во всѣхъ разговорахъ, онъ скорѣе походилъ на свѣтскаго джентльмена, нежели на капитана судна. Изъ пассажировъ всего болѣе оживлялъ общество пасторъ Д., который то объяснялъ намъ этимологию шведскихъ словъ и вновь придуманные имъ грамматическіе термины, то приносилъ изъ своей каюты книги и показывалъ намъ, то читалъ отрывки изъ рѣчей, произнесенныхъ имъ въ торжественныхъ случаяхъ, то рассказывалъ забавные анекдоты. Иногда откровенная общительность его почти сбивалась на карикатуру, но въ его рѣчахъ выражалось столько чистосердечія, что весело было слушать его, тѣмъ болѣе, что филологическія выходки обнаруживали долговременные труды и много остроумія, или, какъ самъ онъ думаетъ, плоды особеннаго филологическаго вдохновенія, которое дается свыше избранникамъ науки слова. Онъ привыкъ говорить простонароднымъ языкомъ, часто придавая словамъ формы, слышимыя только въ крестьянскомъ быту, откуда почерпнута и большая часть его анекдотовъ. Хохотунъ-пасторъ и ловкій капитанъ такъ сошлись другъ съ другомъ, что въ первый же день знакомства, за завтракомъ, пили братство и отъ строгаго разговорнаго этикета шведовъ перешли на дружеское *ты*.

Вскорѣ къ картинамъ природы, разнообразно смѣнявшимся около насъ, присоединился рядъ историческихъ воспоминаній, которыми чрезвычайно богаты южныя области Швеціи. Мы будемъ останавливаться на главныхъ изъ нихъ. Справа, на высокой скалѣ, отвѣсно подымающейся изъ озера, видна надъ огромнымъ шестомъ желѣзная *Королевская Шляпа* (kungshatt); такъ называютъ ее, а по ней и красивое помѣстье, лежащее тутъ на берегу острова. Памятникъ этотъ объясняютъ различно. Самое общеизвѣстное преданіе утверждаетъ, будто какой-то древній король, преслѣдуемый датчанами, бросился съ вершины скалы вмѣстѣ съ конемъ въ озеро и при этомъ потерялъ шляпу; но могучій конь остался невредимъ въ паденіи и благополучно вынесъ своего всадника на противоположный берегъ.

Мимо множества острововъ вышли мы на открытое пространство озера, называемое *Бьёрк* (Береза). Справа въ отдаленіи представляются три большіе острова. По преданію, на одномъ изъ нихъ (Бьёркѣ) первый проповѣдникъ христіанства въ Швеціи, Ансарій, началъ обращеніе язычниковъ, почему въ честь его и воздвигнутъ здѣсь памятникъ. Но это преданіе, кажется, несправедливо: Ансарій началъ про-

повѣдывать евангеліе гдѣ-то въ Биркѣ, а сходство этого имени съ названіемъ помянутаго острова недостаточно для такого предположенія. Бьеркѣ по своимъ стариннымъ гробницамъ и руинамъ вполне заслуживаетъ вниманія любителей древности.

На южной оконечности длиннаго и узкаго залива, образуемаго Меларомъ, лежитъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Швеціи *Сёдертелье* (Södertelje) ¹⁾. Отсюда въ Балтійское море ведетъ небольшой каналъ, начатый еще въ пятнадцатомъ столѣтіи; въ нынѣшнемъ видѣ онъ оконченъ въ 1819 году. Мы остановились передъ шлюзами; изъ краснаго городишка, лежавшаго съ правой стороны отъ насъ, выбѣжало нѣсколько бабъ, у которыхъ въ рукахъ были корзины съ пряниками. Онѣ проворно перешагнули на пароходъ, предлагая пассажирамъ свой товаръ; когда же мы опять тронулись, онѣ едва успѣли, лазя и прыгая, возвратиться на берегъ.

Одна старуха, засуетясь, чуть не сдѣлала такого *salte mortale*, послѣ котораго пришлось бы ей кормить своими пряниками развѣ только шведскихъ русалокъ. По обѣ стороны узкаго канала высятся крутыя скалы; когда мы ихъ миновали, въ морскомъ заливѣ показалась гавань города Сёдертелье.

Черезъ нѣсколько времени мы увидѣли передъ собой передовой край длиннаго острова Мёркё ²⁾, и на немъ старинный замокъ *Хернингсхольмъ* (Hörningsholm), достопамятный въ шведской исторіи и нынѣ принадлежащій графу Бонде. Полагаютъ, что этотъ островъ еще въ языческія времена служилъ мѣстопребываніемъ удѣльных конунговъ (королей). Въ шестнадцатомъ вѣкѣ онъ принадлежалъ знаменитому роду Стуре, и тогда-то возникъ здѣсь величественный укрѣпленный замокъ. По несмѣтному богатству Стуровъ и по свойству ихъ съ Густавомъ Вазою, имѣніе это долго считалось важнѣйшимъ въ государствѣ, — первымъ послѣ королевскихъ. Три героя изъ рода Стуре были, одинъ за другимъ, предшественниками Густава Вазы въ борьбѣ за освобожденіе Швеціи отъ датскаго владычества. Въ царствованіе сына Густавова, Иоанна, жила здѣсь вдова графа Сванте Стуре, графиня Мерта (Märta), которую за ея твердый характеръ и величавый умъ называли *королемъ* Мертою. Съ одною изъ дочерей ея, Магдалиною, случилось здѣсь романическое происшествіе, глубоко огорчившее старуху мать. Магдалина или, какъ обыкновенно зовутъ ее, Малинъ Стуре давно была страстно любима своимъ двоюроднымъ братомъ,

¹⁾ Окончаніе *telje* встрѣчается въ названіи многихъ шведскихъ городовъ. Нѣкоторые полагаютъ, что это слово происходитъ отъ глагола *tälja* — рѣзать, тесать (по-французски *tailler*), и въ такомъ случаѣ оно бы соотвѣтствовало нашему лѣтописному выраженію: *срубить городъ*.

²⁾ Mörkö; шведское слово *ö* значить островъ; *holm* означаетъ островъ меньшаго размѣра.